

Со времён жестокого монголо-татарского нашествия чингизида Бату-хана, или Батыя в простонародье, жило по берегам славного Яика загадочное племя казаков, не похожих ни на одно казачье войско России. По преданию, издревле бытовавшему среди яицких казаков, предки их будто бы вышли когда-то, в стародавние времена, из Скандинавии, с территории нынешней Норвегии. То есть, — были норманнами, или как их звали на Руси — варягами. Смешавшись со славянским населением, с русичами, варяги переняли их язык, обычаи, греческую православную веру, но многое оставили и своего: воинственность, свободолюбие, храбрость, а главное — особенности хозяйственного уклада, связанного с рыбной ловлей на реке Яик. Поступив на службу к золотоордынским ханам, стали именоваться бывшие вольные варяги — казаками, что в переводе с татарского языка и означает — вольные люди. Подчинялись они вначале Белой Орде, являвшейся восточным улусом Золотоордынского ханства. Управлял ордой родной брат Батыя, Шейбани-хан. Во вновь образовавшееся казачье со-

словие, помимо варягов и славян, входили угры и частично половцы, которые проживали в пойме Яика до нашествия монголо-татар, а также одиночки и группы из других ближайших и дальних азиатских племён, отбившихся от своих улусов.

Яицкие казаки несли в основном пограничную службу по реке Яик — Джаик по киргиз-кайсацки, что значит — «затопляющая», или большая вода. По весне и впрямь разливался Яик-Горынович широко, подтопляя поймы, левобережные низины и конские привольные пастбища. Иногда использовали татарские ханы яицких казаков и в дальних походах, как это делал, например, хромой Тимур-Тамерлан. В его орде яицкие казаки считались лучшими воинами, из них же состояла и личная гвардия великого и безжалостного монголо-татарского полководца. Сами себя казаки гордо величали «льцарями Яицкого войска», что красноречиво свидетельствовало об их привилегированном положении в империи Тамерлана.

За свою безупречную нелёгкую службу по обороне западных границ Золотой Орды яицкие казаки получали жалованье. Из столицы Белой Орды, города Сарайчика, им присылали хлеб, оружие, одежду. Им выделяли земельные участки под пашни и пастбища и речные угодья для ловли рыбы, освобождали от выплаты ханской дани и подушной подати. В казачьих поселениях всеми административными делами заправляли заезжие ханские чиновники — баскаки. Военных руководителей казаки выбирали сами, на своих кругах, или курултаях по-татарски. Им разрешалось исповедовать христианство. Со стороны ханской администрации гонений на православную веру не было, в яицких казачьих поселениях строились церкви и храмы. В столице Золотой Орды, Сарае, сидел православный митрополит, которому подчинялось всё казачье духовенство. Власти не предпринимали попыток насильственного обращения яицких казаков в мусульманство.

Служа в монголо-татарском войске, казаки хорошо освоили и переняли боевую тактику кочевников: в походе, как и те, — использовали заводных коней, перед началом боевых действий проводили глубокую разведку, а в обороне несли бдительную дозорную службу. Во время битвы часто устраивали засады в укромных местах, обманным отступлением заманивая туда противника. Практиковали скрытные обходные манёвры, стремительный охват флангов, решительную атаку развёрнутой конной лавой. Помимо всего прочего, яицкие казаки метко стреляли из тугих татарских луков, мастерски владели всеми видами холодного оружия, умело метали крепкие волосяные арканы.

Не менее мужчин многими качествами сильного пола обладали и яицкие казачки. Во время нападения врагов на казачьи поселения они нередко заменяли своих убитых в бою мужей. Это к ним в большей мере относятся знаменитые некрасовские строки: «...коня на ходу остановит, в горящую избу войдёт...»

Во время золотоордынских междоусобиц, когда власть в столице ханства, Сарая, захватил безродный темник Мамай, яицкие казаки перешли под руку хана среднеазиатского улуса Тимура-Тамерлана — Железного Хромца, как прозвали его на Руси. В войсках Тамерлана яицкие казаки считались лучшими воинами, стремительной конной атаки которых не выдерживал ни один неприятель. Они воевали в Средней Азии, Персии и Индии. Железный Хромец восхищался храбростью и сноровкой яицких всадников и так отзывался об их воинских навыках: «Усвоивши манеру сражаться по-казачьи, снарядил свои войска так, чтобы я мог как казак проникнуть в расположение врагов». Это была довольно высокая похвала — наглядное свидетельство высоких боевых качеств казачьей конницы. Яицкие казаки, в составе армии хана Большой Орды Тохтамыша — ставленника Тимура — принимали участие в разгроме войск Мамаю и изгнании его из Сарая.

Много славных подвигов совершили «льцари» Яицкого войска и после развала Золотой Орды, помогая царю Ивану Грозному добывать Казанское ханство. Совместно с донскими и гребенскими казаками они участвовали в осаде и взятии Казани, а также в составе войска казачьего атамана Ляпуна захватили Астрахань. Во время Ливонской войны яицкие казаки в составе казачьего отряда общей численностью в десять тысяч всадников, куда опять же входили донские, гребенские, а также волжские удалцы, участвовали во взятии крепости Нарва. Командовали войском знаменитый атаман, будущий покоритель Сибирского ханства Ермак Тимофеевич и атаман Заболотский. А в 1556 году отряд яицких «льцарей» в составе армии князя Андрея Курбского осаждал город Дерпт. К слову сказать, оный князь тоже небезызвестен в отечественной истории, но с отрицательной стороны. Опасаясь расправы над собой своего бывшего благодетеля царя Иоанна IV, у которого князь одно время был самым близким советником, доверенным лицом, членом так называемой «избранной рады», Курбский изменил ему и перешёл к полякам. Мало того, затеял с Грозным горячую эпистолярную полемику, обвиняя царя в жестокости к подданным и злоупотреблении властью, затем возглавил польское войско и вторгся во главе его в пределы своего бывшего отечества.

Если взглянуть на деяния Андрея Курбского с современной точки зрения, то планида его во многом схожа с судьбой его тёзки, генерал-лейтенанта Красной армии Андрея Андреевича Власова. Тот, так же как и Курбский, был любимцем руководителя государства, так же по политическим мотивам изменил ему, перейдя в военное время на сторону неприятеля, так же до сих пор не реабилитирован и заклеимён как предатель.

Яицкие лихие молодцы участвовали и в знаменитом походе атамана Ермака Тимофеевича в Сибирь, где они, перевалив через Уральский хребет, сцепились с ордой сибирского хана Кучума. В смутные времена пополнили «льщари» Яицкого войска ополчение Минина и Пожарского, выбивая из московского Кремля засевших там поляков во главе с гетманом Ходкевичем. Несмотря на своё свободолюбие и бунтарский нрав, яицкие казаки не поддержали ни Лжедмитрия Первого, ни Лжедмитрия Второго, оставаясь верными законным властям. Прохладно они отнеслись и к страстным призывам другого яркого бунтаря — Степана Тимофеевича Разина, пытавшегося поднять Яик против царя Алексея Михайловича. Казаки в Яицком городке, вкупе с государевыми ратными людьми — стрельцами, встретили воровскую ватагу Разина выстрелами из пушек и пищалей, когда тот попытался к нему приблизиться, чтобы договориться о зимовке. Только небольшая группа отчаянных голов с Яика-Горыновича числом не более двухсот человек последовала за знаменитым донским атаманом на Волгу, неизвестно где сложив свои отпетые буйные головы.

Считается, что официально Яицкое казачье войско как воинское формирование поступило на службу московскому царю в 1613 году. Именно в этом году, по завершении великой российской смуты, на Москву была послана делегация яицких казаков с просьбой взять их под свою руку. Вновь избранный Земским собором, состоявшимся в январе 1613 года, новый российский самодержец — шестнадцатилетний Михаил Фёдорович Романов, сын митрополита Филарета — милостиво принял казаков на государственную службу и пожаловал «Владенну грамоту». В ней царь щедро жаловал их рекой Яиком с верховьев до самого устья, со всеми впадающими в неё реками и притоками, рыбными промыслами и звериной ловлею, а равно и солью беспощлинно, свинцом, порохом, крестом и бороною. Казаки как зеницу ока берегли жалованную царскую грамоту, но не доглядели: во время одного из пожаров в Яицком городке ценный документ сгорел, а получить дубли-

кат казаки не смогли, потому что точно не знали, каким Приказом он был выдан.

Впоследствии Яицкое казачье войско неукоснительно выполняло все распоряжения Москвы, посылая свои летучие отряды во все горячие точки, где Россия вела войны с соседними государствами. Участвовали казаки и в Петровских походах, в частности брали с донцами турецкую крепость Азов, и в усмирении бунтовавших то и дело башкирцев, и в неудачном набеге на Хивинское ханство князя Бековича-Черкасского в 1717 году, закончившемся, к сожалению, полным разгромом русского экспедиционного корпуса.

Пожалованные малолетним царём Михаилом Фёдоровичем «крестом и бороною» во времена правления Алексея Михайловича яицкие «лыцари» в штыки восприняли церковную реформу патриарха Никона (Никиты Минова в миру) по введению на Руси обновлённых по греческому образцу, унифицированных церковных обрядов и исправлению богослужебных книг. Начатая в 1652 году реформа всколыхнула всю православную Русь, поставив её на грань новой жестокой междоусобной смуты и братоубийственной гражданской войны. Церковную реформу Никона поддержали и одобрили церковные соборы с участием восточных патриархов. Царь Алексей Михайлович тоже ратовал за исправление богослужебных книг и унификацию православных церковных обрядов, что было в интересах укрепляющегося самодержавия. В церкви, стоявшей верным стражем у царского трона, не должно было быть разброда, шатания, анархии и вольнодумства! Всё должно быть приведено к единому образцу.

Основные изменения коснулись церковных обрядов. Вместо традиционного на Руси двуперстия Никон ввёл обычай креститься тремя пальцами, так называемой щепотью, земные поклоны были заменены поясными. По указке Никона слово «аллилуйя» во время церковных богослужений стали произносить не дважды, а трижды, вокруг аналоя двигались теперь не по солнцу, — как тогда говорили «посолонь», — а против солнца. Несколько видоизменил патриарх Никон и облачение священников и монахов. В текстах богослужебных книг производилась замена одних слов другими, мало, впрочем, влиявшими на смысл священных писаний. Так, имя Сына Божьего Иисуса стали писать с двумя «и» — Иисус. Слово «певцы» заменили «песнопевцами», «вечное» — «бесконечным», «видевшие» стали «узревшими» и так далее.

Оппозицию Никону, а значит и официальным московским властям, поддерживавшим церковную реформу, возглавил безвестный до того протопоп, уроженец Нижегородского уезда Аввакум Петров. По сути, он тоже был реформатором, но в пику Никону, подгонявшему всё под греческие и византийские образцы, ратовал за то, чтобы править книги по своим, древнерусским канонам. Разгорелась яростная борьба между сторонниками патриарха Никона и раскольниками Аввакума.

Властный и честолюбивый Никон вознамерился заполучить не только духовную власть, но и светскую, разделив её с царём Алексеем Михайловичем, как это было во времена правления его отца. Государь отверг все претензии патриарха на совместное правление, и тогда Никон демонстративно удалился от дел и самовольно сложил с себя сан патриарха. Для суда над бывшим патриархом в 1666 году был созван Московский Церковный собор, который официально лишил Никона высокого сана и отправил простым монахом в Ферапонтов монастырь. Последовавший затем Церковный собор 1667 года поддержал церковную реформу и предал анафеме всех её противников, которых с тех пор стали называть старообрядцами. Собор призвал градские власти вершить над смутьянами и супротивниками скорый и беспощадный суд. А по статье Уложения 1649 года надлежало безжалостно сжигать на костре всякого еретика, возводившего хулу на Господа Бога. Царь Алексей Михайлович по православной церковной доктрине считался заместителем Бога на земле, и, следовательно, все раскольники, не принявшие реформы и постоянно хулившие царя, попадали под вышеупомянутую статью. И запылали по Руси костры, сжигавшие старообрядцев. Некоторые скиты, не дожидаясь царской расправы, сами учиняли над собой сей скорый и страшный суд. Последователи Аввакума запирались в избах и церквях и сами себя сжигали. Многих раскольников бросили в остроги и темницы, многих угнали в Сибирь на каторгу, как двух московских знатных боярынь: Морозову и Урусову. Самого протопопа Аввакума после сибирской ссылки и многолетнего заточения в сырой земляной тюрьме сожгли на костре в 1682 году.

В связи с этими тревожными событиями на Руси весь Яик, как один человек, встал стеной за старинную православную веру. Казаки готовы были умереть, но не допустить в свои церкви «диавольской» никонианской ереси! Жалованная грамота царя Михаила Фёдоровича Романова, где он награждал яицких своих «лыцарей» «крестом и бородою», послужила знаменем правого каза-

чьего дела. Слова царя перетолковывали буквально: «крестом» он пожаловал их двуперстным, потому как другого тогда не было, а следовательно — царский указ обратного ходу не имеет. Не замай, патриарх Никон!.. Здрав будь, государь Алексей Михайлович, в Москве златоглавой, а мы, казаки, — здесь-ка, на Яике-Горыновиче...

В результате смелого казачьего противоборства новым церковным порядкам почти всё левобережье Волги-матушки от Астрахани до реки Иргиз и далее на север, почитай до самой губернской Казани, осталось в старообрядческой вере. Именно сюда — на Узени, Иргиз, Яик и Илек — бежали со всей православной Руси спасающиеся от преследования царских властей раскольники. Яик стал своеобразным оазисом бунтарства и непокорности зарвавшейся державной Москве, а потом и Санкт-Петербургу. Сюда стекались изо всех казачьих войск и областей отчаянные головы, кому было уже нечего терять и жизнь казалась копейкой. Именно здесь, на Яике, в конце XVIII века разгорелись два кровавых казачьих бунта, потрясшие само основание Российского крепостнического государства, ввергшие в трепет и шок правящие верхи во главе с императрицей Екатериной, разбудившие в простом народе непримиримую ненависть к угнетателям и страстную жажду свободы.

Первое стихийное выступление «лыцарей» Яицкого войска вспыхнуло в январе 1772 года. Поводом послужило два фактора: нежелание вольных яицких казаков служить в регулярных воинских частях, а также отказ отправиться в погоню за калмыками, которые взбунтовались и покинули пределы Российской империи. Это привело к отправке в Яицкий городок правительственной следственной комиссии во главе с генералом Траубенбергом. Недовольные жестоким приговором, казаки убили генерала и разгромили его отряд. Противостояние длилось до начала июня, когда Екатерина II, убедившись в тщетности переговоров с бунтовщиками, направила на Яик войсковую экспедицию под командованием генерала Фреймана. В боях у реки Ембулатовки на границе войска казаки потерпели сокрушительное поражение.

Но дело на этом не закончилось: через год в яицких степях появился бежавший с Дона Емельян Пугачёв, выдавший себя за свергнутого Екатериной с престола императора Петра III. Многие активные участники и главари прошлогоднего выступления прятались по глухим степным уметам от преследования властей и с радостью приняли объявившегося «императора». Быстро на-

брав отряд в несколько десятков всадников, к которому помимо яицких казаков примкнули местные инородцы: калмыки, башкиры, татары, самозванец захватил почти все крепости и форпосты Нижней Яицкой и Оренбургской линий, пополнил свою толпу гарнизонными солдатами, крепостной артиллерией и осадил главный губернский город. Оренбург повстанцам взять не удалось. Зря простояв под ним несколько месяцев, на следующий год в конце марта они были наголову разбиты войсками генерала Голицына под крепостью Татищевой и бежали вслед за своим предводителем в Башкирию. Там Пугачёв пополнил свой поредевший отряд башкирами и работными людьми уральских заводов, попытался штурмом овладеть Казанью, взял город за исключением кремля. Под Казанью его войско снова потерпело поражение, остатки переправились на противоположный берег Волги. С этого момента восстание стало сильно напоминать «триумфальное» бегство. Пугачёвцы, двигаясь на юг, занимали один приволжский город за другим, после их ухода он тут же оказывался в руках правительственных войск. Беглые крепостные крестьяне сотнями и даже тысячами валили к повстанцам, но настоящих умелых бойцов среди них почти не было. Башкиры во главе с Салаватом Юлаевым остались за Волгой, продолжая сражаться за свою землю, яицких казаков было очень мало, а донские Пугачёва не поддержали. Вскоре он потерпел окончательное поражение под Чёрным Яром недалеко от Царицына, и сподвижники из числа именитых яицких казаков выдали своего главаря правительственным войскам.

В январе 1775 г. Пугачёва казнили в Москве на Болотной площади. С ним вместе — наиболее видных атаманов. Высочайшим указом императрицы Яицкое казачье войско за участие в кровавом мятеже было переименовано в Уральское. Больше «лыцари» уральских степей против власти не бунтовали и были верными и законопослушными подданными российских самодержцев. Участвовали почти во всех войнах империи и локальных местных конфликтах. Во время Отечественной войны 1812 г. Уральское казачье войско выставило 10 полков (для сравнения, Донское — 64 полка). Конечно, численность того и другого казачьего войска не сопоставима. Старейшее из казачьих войск империи, Донское, было самым многочисленным. Сражались уральские удалыцы и в крымских баталиях, участвуя в так называемой Восточной войне. Выказали прирождённую храбрость, и, увы, не их вина в том, что империя Николая I потерпела сокрушительное поражение. Зато во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. за

освобождение братской Болгарии турки воочию узнали, что значит русский солдатский штык и казачья шашка. Не обошло это столкновение и казаков с реки Урал. Показали себя «льцари» во всей боевой природной красе. Бились, не щадя живота своего, за Веру, Царя и Отечество. Кстати, так и оставаясь до той поры старообрядцами, по церковным канонам своим древним, казачьим, продолжали уральцы осенять себя двуперстным крестом и гордо носить бороды, которые называли «отечеством»! Помимо мобилизованных казаков, были и добровольцы. Известен уникальный случай, когда на войну с османами отправилась молодая казачка Татьяна Жукалина.

Вместе с русскими войсками уральские удальцы в 1865–1885 гг. покоряли Среднюю Азию. Часть этих территорий добровольно вошла в состав Российской империи, за другие пришлось не в шутку сражаться. Ну, к бивуачной, походной жизни нашим степнякам-казакам не привыкать — веками зорко стерегли юго-восточный кордон империи. В 1885 г. завоёвано Кокандское ханство, в 1886 г. — Бухарский эмират. В 1873 г. хивинский хан признал себя вассалом России. В результате Ахалтекинских экспедиций в 1880–1881 гг. присоединена Туркмения. Во всех этих походах ярко проявили себя уральские «льцари». Не обошла военная планида уральские, а также илецкие станицы и хутора в начале XX века. Активно участвовали уральцы в первых двух войнах нового столетия: Русско-японской и Первой мировой. Геройствовали на полях Маньчжурии в 1904–1905 гг. и на многих фронтах в 1914–1917. Но победы, к сожалению, не увидели. Ратная удача отвернулась от Николаевской империи, как и в Крымскую войну, когда страной управлял тёзка последнего российского императора Николай I.

После февральской революции 1917 года Уральское казачье войско на короткое время снова стало Яицким, как бы возродившись из пепла, как птица Феникс. Затем последовали октябрьская революция и братоубийственная Гражданская война. Они-то и положили на долгие десятилетия конец яицкому вольному «лыцарству». Да и сама область бывшего Уральского казачьего войска впоследствии оказалась в составе независимого Казахстана.